

Сегодня гость нашей редакции — молодой прозаик Алексей ВАРЛАМОВ. В 1995 году он стал лауреатом Антибукера, учрежденного «Независимой газетой».

— Что касается вхождения в литературу, — рассказывает писатель, — я думаю, это было достаточно обычно для того времени. Сначала я занимался в литературном объединении при Московской писательской организации. Руководитель объединения Федор Колунцев считал, что молодым писателям помогать не надо, каждый должен сам пробиваться, сам находить свое место в литературе. Поэтому я послал свои рассказы по почте в журнал «Октябрь», и один из них опубликовали. Ну а дальше — совещание молодых писателей, журнальные публикации в «Знамени», «Новом мире», «Гранях», «Москве»...

— Как в наше время прожить писателю? Раньше помогал Союз писателей. А теперь кто поддерживает молодые таланты?

— Ну, во-первых, я работаю. Не могу сказать, что работа дает мне много денег — я работаю в университете, но, когда передо мной встал вопрос: быть свободным художником или не быть, то я понимал, что именно по причине финансовой не могу оставить службу. Союзы писателей сейчас действительно ничего не дают. Как прожить? Всем трудно жить, я не думаю, что писателям труднее, чем кому бы то ни было еще. Другое дело, что писателям сейчас гораздо труднее жить, чем 20 — 30 лет назад, но я в ту пору не был писателем, мне не с чем особенно сравнивать. Все тем не менее как-то выживают: кто-то пишет коммерческие романы, кто-то занимается просто коммерцией...

— Вы пробовали писать «коммерческие» романы?

— Нет. Боюсь, что у меня не получилось бы. Я против этого ничего не имею и не осуждаю людей, которые этим занимаются. Но мне вообще очень трудно пишется, а по заказу, думаю, будет еще труднее. Так что я работаю, что называется, для души.

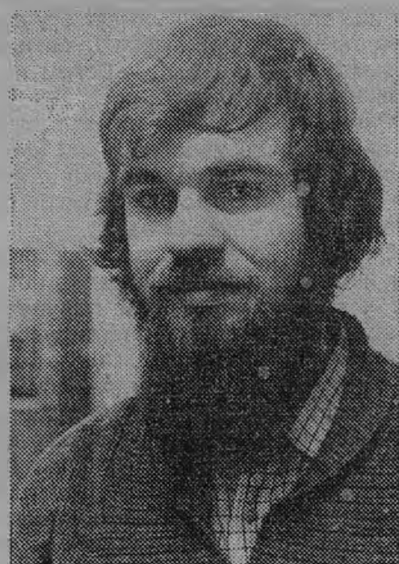
— Кто оказал на ваше творчество наибольшее влияние?

— Скажите, что на меня было влияние какого-то одного писателя, я не могу. Конечно, для меня русская классическая традиция — это вся литература от Пушкина до Чехова и Бунина. Тут особых предпочтений нет. Может быть, Лесков. Люблю литературу и второго ряда: Писемский, Мамин-Сибиряк, Мельников-Печерский. Что касается двадцатого века, то, конечно, Платонов. Но не думаю, что он на меня каким-то образом повлиял. Я вообще люблю читать для удовольствия. Из тех, кто ближе к нам по времени? Юрий Казаков мне очень нравится. Потом литература, условно говоря, деревенская. Она, видимо, оказала на меня какое-то влияние, но скорее мировоззренческое, чем стилистическое. Да, еще, пожалуй, Шмелев и Зайцев. Может быть, это было бы громко — причислять себя к христианской литературе, но, во всяком случае, это та культурная традиция, которая для меня имеет огромное значение.

— Читая вашу повесть «Рождение», мы почувствовали влияние Фолкнера. Или я не прав?

— Думаю, что прямого влияния не было. В силу своей автобиографичности эта повесть писалась без оглядок на какие-то ориентиры.

— Есть такое суждение, что не художник творит стиль, а стиль творит художника, что стиль изначально присущ писателю. Как вы на это смотрите?

Алексей ВАРЛАМОВ

ЗАТОНУВШИЙ КОВЧЕГ

— У нас была беседа с Олегом Павловым в «Литературной газете», где мы касались этой темы. Я считаю, что не писатель решает для себя: я буду реалистом или постмодернистом, скорее происходит обратное. Стиль или определенное направление в литературе тебя выбирает, или, как говорил Бродский: «Поэт — это орудие языка». Это точная, универсальная формула для искусства. Поэтому я с этим суждением согласен.

— Какое значение вы придаете социальности в своих произведениях?

— Что вы понимаете под социальностью?

— Это когда в произведении просчитывается реальная жизнь общества. Например, пучк в вашей повести «Рождение».

— Да, с пучком было много вопросов. Я даже нашёл на этой почве множество литературных недругов и друзей. В этой повести многие видели метафору, что рождение ребенка как бы символизирует рождение нового государства. Я ничего этого в виду не имел. Если это произошло, то помимо моей воли. Такое бывает, когда произведение начинает жить отдельно от автора, своей собственной жизнью. Мне хотелось, чтобы была определенная привязка ко времени, чтобы эта история, которая в принципе может произойти где угодно, с кем угодно, была достаточно точно привязана к месту и к времени. Может быть, это можно понимать как социальность. Но как писатель я стараюсь затрагивать все-таки самые глубинные, самые важные проблемы бытия, жизни, истории. Для меня если писать, то писать надо об этом. Ставить перед собой максимально высокие задачи, не смущаясь тем, что на эту тему было много написано классиками. Важно, как наши современники понимают вопросы жизни и смерти.

— Кого бы вы выделили среди современных молодых писателей?

— Конечно, сейчас есть интересная молодая литература. Грустно только, что она очень разобщена. В те годы, когда я считался молодым писателем, была некая литературная жизнь. Тот же Союз писателей, на который сейчас много собак вешают, делал одновременно благое дело. Или те же объединения, семинары прозы и поэзии. Поэтому мы гораздо лучше знали

друг друга не только по публикациям, но и лично.

Тем не менее существует литературный круг, в который я вхожу. К нему принадлежат писатели и критики, которые мне близки. Если говорить о конкретных именах, я бы назвал Олега Павлова, Владу Отрошенко, молодого прозаика Антона Уткина, Игоря Кузнецова, критика Павла Басинского из «Литературной газеты».

— Как вы охарактеризуете современную литературную ситуацию?

— То поколение литераторов, к которому я принадлежу, это писатели, не успевшие столкнуться с цензурой и соцреализмом. Моя первая публикация была в 1987 году. Интересно, что в этом номере «Октября» одновременно были опубликованы произведения писателей, которых тогда никто почти не знал, зато сейчас они стали хорошо известны.

Дмитрий Бакин, который только что получил премию Антибукер, Олег Ермаков, Нина Горланова... Видимо, тут

можно говорить о некой новой, постсоветской генерации. Но я помню, что это вхождение в литературу происходило под знаком борьбы правых и левых. Тогда каждому писателю важно было определить свое отношение к этим лагерям. У меня это вызвало подспудное раздражение и недовольство-нежелание примыкать ни к тем, ни к другим. Слишком очевидно выглядели их слабые стороны, слишком очевидно было, что вирус этого раздражения, этой борьбы на самом деле очень пагубно сказывается на качестве литературы. За писательской драмой сам предмет литературы стал теряться. В этом причина того, что я испытываю стойкое отвращение к литературной борьбе и никогда не пытался в ней участвовать. Я все время надеялся, что рано или поздно настанет такой момент, когда эта литературная ситуация нормализуется... Увы! То явление, которое мы имели в конце 80-х — начале 90-х годов, условно называлось групповщиной, теперь же мы пришли к какой-то клановости в литературе. Если считать, что главное усилие, которое прикладывала интеллигенция в горбачевскую эпоху, сводилось к тому, чтобы обрести свободу, почувствовать свою независимость, сейчас на самом деле никакой свободы и независимости нет. Дело даже не в том, что литература стала коммерческой и люди меньше читают. Давление на писателя все равно остается, все равно нет атмосферы свободы. Наша литературная жизнь ненормальна, и эта ненормальность год от года усугубляется, но в этих условиях остается выбор между добром и злом, между свободой и несвободой, и от этого выбора многое зависит.

— Вы себя причисляете к какому-нибудь литературному направлению или это для вас не столь важно?

— Пожалуй, скорее не важно. Но если задуматься над этим, то, наверное, направление традиционное, реалистическое. То есть ценности, которые всегда исповедовала русская литература, являются моими ценностями, я никогда не стремился ниспровергать их. Мне просто интересно рассматривать их и затрагивать эти вопросы в наше время. Поэтому я не пишу вещи исторического плана. Для меня художник сейчас — нечто вроде

летописца. Как летописец в средние века описывал определенное событие, так и писатель в наше время летописует историю человеческой души, не самих событий, а именно души.

— Сейчас ситуация конца века как-то влияет на литературу? Что вы можете сказать о современных литературных течениях? О постмодернизме, например?

— Я очень спокойно отношусь к модернизму и постмодернизму. Я отчасти считаю эту проблему надуманной, но мне не нравится агрессивность постмодернистов. Я против них ничего не имею, а вот они имеют против своих собратьев реалистического направления. Вызывает удивление и неприязнь их, крикливость и попытка выдать себя за единственную силу, которая имеет право на существование. Постмодернисты отказываются от такой вертикали, которая для меня все-таки важна: низ — верх, Бог — Дьявол, отказываются от иерархии ценностей, от порядка, без которого просто невозможно человеческое существование, происходит разрушение личности и общества. Вот это смакование и воспевание темных сторон человеческого существа у Сорокина, Ерофеева неприятно.

А что касается ситуации конца века, то тут интересная вещь. Прошла в литературе волна эсхатологизма. У многих писателей появлялись в одно и то же время произведения, которые затрагивали тему конца света, апокалипсис. Достаточно назвать Ч.Айтматова, Л.Бородину, А.Кима, последний роман Л.Леонова. Почему я стал над этим задумываться? Почти одновременно с этими произведениями появился мой роман «Лох», где тоже, в той или иной степени, речь шла об этом. То есть, не сговариваясь, самые разные писатели старшего поколения и более молодые почувствовали эту тему. Это любопытная примета литературы конца века, когда конец века воспринимается как конец цивилизации. Хотя, конечно, здесь играет роль и та ситуация, в которой мы оказались, многие явления вокруг нас напоминают пророчества Иоанна Богослова. Но для меня важно другое. Критика писала, что мой «Лох» — это роман о конце света, на самом деле я писал об опасности эсхатологических ощущений. В Евангелии ясно сказано, что об этом часе знает только Бог Отец. Поэтому этот апокалиптический страх человек должен преодолевать.

— Ваши планы?

— В этом году я собираюсь опубликовать в журнале «Октябрь» новый роман «Затонувший ковчег». Этот роман затрагивает тему сектантства, сектантства в широком смысле. Я считаю, что сектантство — это одна из особенностей нашего национального сознания, оно, как и эсхатологизм, всегда губительно действовало на русскую историю и, может, стало одной из причин наших нынешних неудач. Я беру достаточно глубокую историческую перспективу, но основное действие романа происходит в наши дни. В этом романе я пытаюсь отметить важные для себя вопросы: каково сейчас состояние нашего общества, куда мы движемся?

— Вы еще не написали своего основного произведения?

— Каждый раз, когда что-то пишешь, кажется, что это последнее, больше уже ничего не написать, что это и есть самое главное произведение. Через какое-то время выясняется, что оно было предыдущим, а главное впереди...

Беседу вели
Н. ГОРЛОВА и И. СЛАВИН